

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.

УДК 94(497:495) Т1(2) 6–81

ГРЕКО-БОЛГАРСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ БОРЬБА В РАБОТАХ ИСТОРИКА-СЛАВИСТА Н. А. ПОПОВА

И. Г. Воробьева

Тверской государственный университет,
кафедра всеобщей истории, г. Тверь

В статье представлены взгляды профессора Московского университета Нила Александровича Попова (1833–1891) по вопросу греко-болгарской церковной борьбы во второй половине XIX в.п

Н. А. Попов – историк-славист, автор многих работ по истории южных и западных славян в Новое время. С 1867 по 1878 г. он был секретарем Славянского благотворительного комитета в Москве – общественной организации, ориентированной на оказание финансовой помощи славянской молодежи для получения образования, в том числе в России. Будучи знаком со многими деятелями славянского мира, Н. А. Попов получал своевременную информацию по вопросам национально-освободительного движения на Балканах, излагая её публично. Он писал статьи для научных и политических изданий, читал лекции студентам, отправлял письма общественным и государственным деятелям, высказывая конкретные прагматические суждения по проблемам формирования национальной идентичности, в том числе болгарской. Они стали предметом анализа в данной статье.

Славянофильская деятельность Н. А. Попова воспринималась современниками позитивно. Греко-болгарский церковный вопрос учёный понимал как национально-политический. После объявления болгар Константинопольским патриархом в 1872 г. схизматиками он разъяснял, что создание Экзархата – необходимое условие для болгарского национального Возрождения. Выделяя *национальное* начало в политике государства и общества, Н. А. Попов, как русский историк, активно включился в интеллектуальную работу по осмыслению российским обществом своих национальных интересов, которые он не представлял без славянства.

Ключевые слова: *греко-болгарская церковная борьба, Н. А. Попов, славянофильство, Славянский благотворительный комитет в Москве, национальная идентичность.*

В феврале 1870 г. был обнародован султанский фирман об учреждении независимого Болгарского экзархата, а через два года болгарские иерархи избрали экзархом митрополита Анфима (1816–1888), что означало восстановление независимости Болгарской церкви. Однако Константинопольский патриарх объявил на поместном соборе болгарскую церковь схизматической, решение о её независимости – неканоническим, а её чле-

нов – еретиками. Этот акт имел серьёзные последствия и затронул всех православных христиан. Греко-болгарская схизма была воспринята в России болезненно, стала предметом обсуждения представителями разных политических и идейных направлений и значительно повлияла на российско-болгарские отношения.

История греко-болгарской церковной борьбы имеет большую историографическую традицию. Не касаясь дореволюционной российской историографии, отметим, что в Советской России серьёзные архивные разыскания по этой проблеме были проведены профессором С. А. Никитиным, создавшим научную школу, которая и сегодня успешно работает¹. Магистральное направление этих исследований – история российско-южнославянских научных, политических, культурных и церковных контактов. Именно в этот контекст и включалась греко-болгарская церковная схизма, суть которой, по мнению историков, заключалась в стремлении болгар к политической самостоятельности через создание своей независимой церковной организации².

С. А. Никитин, изучивший освещение греко-болгарской борьбы в периодической печати середины XIX в., отмечал, что российская дипломатия внимательно следила за церковной борьбой на Балканах и неоднократно предлагала конкретные меры для установления мира между греческим духовенством и болгарам, но предпринятые попытки не дали существенных результатов. В основе русской политики лежали две идеи. Одна касалась церковно-канонической стороны вопроса: без согласия Константинопольского патриарха болгары не могли создать канонически законную национальную церковь. Второе соображение затрагивало политическую сторону вопроса: в церковном единстве видели способ консолидации всех сил христианских народов против турецкого господства. Однако русская дипломатия замечала в болгарском вопросе и его национальный аспект. Эти позиции нашли свое отражение на страницах русской прессы. С. А. Никитин проанализировал издания разной политической направленности, включая специальные церковные, и заключил: «Существо вопроса было национально-политическим, хотя по форме было церковным»³.

Вопрос о влиянии конфессий на формирование славянских наций рассматривался в коллективной монографии под редакцией И. В. Чурки-

¹ См.: Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа: Матер. межд. науч. конф. М., 2004.

Professor Sergei Aleksandrovich Nikitin i ego istoricheskaya shkola: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. M., 2004.

² См., к примеру: Косик В. И., Кремнев Г. Б. Греко-болгарский вопрос // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 793–794.

Kosik V.I., Kremnev G.B. Greko-bolgarskii vopros // Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i slavyanstvo. M., 1996. S. 793–794.

³ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 183–199.

Nikitin S.A. Ocherki po istorii yuzhnykh slavyan i russko-balkanskikh svyazei v 50–70-e gody XIX v. M., 1970. S. 183–199.

ной, ученицы С. А. Никитина. События греко-болгарского церковного конфликта как частный случай подтвердили «приоритет собственно этнических категорий над общеконфессиональными»⁴. О попытках вмешательства в этот конфликт османских властей обстоятельно написала И. Ф. Макарова⁵.

Наряду с историками-славистами тема греко-болгарских церковных противоречий в настоящее время заинтересовала и исследователей других школ и специальностей. Так, в 2008 г. В. Ю. Венедиктовым была защищена кандидатская диссертация, а позднее опубликована монография «Россия и Константинопольский патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века». В центре внимания автора оказались греко-болгарские церковные противоречия, давшие благодатную почву для католического прозелитизма на территориях Константинопольского патриархата⁶.

Соотношение национального и конфессионального в проектах русских интеллектуалов, в частности представителей консервативной мысли, на примере греко-болгарской церковной распри представлено в ряде работ филолога О. Е. Майоровой, ныне профессора Мичиганского университета. По мнению автора, полемика по вопросу греко-болгарской схизмы хотя и периферийна для русской истории, но наполнена принципиальным идеологическим содержанием и влияла на представления русских о себе как о части православного мира: «Греко-болгарский церковный раскол и особенно его восприятия в России ясно продемонстрировали, что с приходом эпохи национализма оказались нежизнеспособными романтические концепции нации, в частности славянофильский конструкт, который выводил русскость из православия и примирял национальную уникальность с универсалистическим смыслом христианства... Противоречие между секулярным

⁴ Роль религии в формировании южнославянских наций / под ред. И. В. Чуркиной. М., 1999. С. 216.

Rol' religii v formirovanii yuzhnoslavyanskikh natsii / pod red. I.V. Churkinoi. M., 1999. S. 216.

⁵ Макарова И. Ф. Роль османских административных реформ в эскалации и урегулировании болгаро-греческого церковного конфликта // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами: к 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. М., 2013.

Makarova I.F. Rol' osmanskikh administrativnykh reform v eskalatsii i uregulirovaniy bolgaro-grecheskogo tserkovnogo konflikta // Mezhhkonfessional'nye, kul'turnye i obshchestvennye svyazi Rossii s zarubezhnyimi slavyanami: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya M.F. Raevskogo. M., 2013.

⁶ См. одну из последних публикаций автора: Венедиктов В. Ю. Католический прозелитизм на территориях Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века (на примере греко-болгарских церковных противоречий) // Published on Studia Humanitatis (<http://st-hum.ru>) 2013. № 2.

Venediktov V.Yu. Katolicheskii prozelitizm na territoriyakh Konstantinopol'skogo Patriarkhata vo vtoroi polovine XIX veka (na primere greko-bolgarskikh tserkovnykh protivorechii) // Published on Studia Humanitatis (<http://st-hum.ru>) 2013. № 2.

и религиозным видением нации приобрело эксплицитный характер в 1860–70-е гг., когда национализм перекраивал политическую карту Европы»⁷.

Как видно из очень краткого историографического обзора, греко-болгарский церковный вопрос и ныне не теряет своей научной актуальности и значимости при рассмотрении российско-балканских политических и культурных связей.

В нашей статье показано понимание и разъяснение этого вопроса в печати историком Н. А. Поповым, одним из самых активных деятелей славянофильского движения в России во второй половине XIX в., проанализированы его научные, публицистические работы и переписка с балканскими славянами.

Нил Александрович Попов (1833–1891) – выпускник Московского университета, ученик Т. Н. Грановского и С. М. Соловьёва⁸. В 1862–64 гг., находясь в научной командировке в славянских землях, он познакомился с деятелями чешского, сербского, хорватского и болгарского национального Возрождения, приобрёл книги и периодические издания, каких не было в библиотеках России. По возвращении он приступил к чтению лекций в Московском университете и написанию докторской диссертации по истории Сербии, которую успешно защитил в 1869 г. Одновременно он сотрудничал в ряде изданий, познакомился с членами Славянского благотворительного комитета, основанного в Москве в 1858 г. при содействии болгар, и стал его активным членом.

В 1866–67 гг. Н. А. Попов – один из организаторов Славянского отдела Всероссийской этнографической выставки летом 1867 г. Объёмные материалы выставки были опубликованы им в «Московских университетских известиях». Вскоре Попова избрали секретарем Славянского комитета, где председателем первоначально был историк М. П. Погодин, а позднее – известный славянофил И. С. Аксаков. Попов состоял в переписке с деятелями славянского мира, со многими был лично знаком, помогал славянской молодежи с устройством на учёбу в университет и духовную академию, сам организовал школу для девочек из славянских стран при Алексеевском монастыре и преподавал в ней. В период Русско-турецкой войны 1877–78 гг. Славянский комитет под руководством Аксакова и Попова действовал очень энергично и получил общественное признание в России и на Балканах. Обширный фонд комитета после его неожиданного закрытия ле-

⁷ Майорова О. Греко-болгарская церковная распря в русской националистическом дискурсе конца XIX века // Пермяковский сборник. М., 2010. Вып. 7. Ч. 2. С. 458–466.

Maio-rova O. Greko-bolgarskaya tserkovnaya rasprya v russkoi natsionalisticheskom diskurse kontsa XIX veka // Permyakovskii sbornik. M., 2010. Vyp. 7. Ch. 2. S. 458 – 466.

⁸ См. подробно: Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 330–338.

Lapteva L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke. M., 2005.

Воробьёва И. Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов: Научная и педагогическая деятельность. Тверь, 1999.

Vorob'eva I.G. Professor-slavist Nil Aleksandrovich Popov: Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost'. Tver', 1999.

том 1878 г. Попов сдал в архивное учреждение. Всё сказанное позволяет предположить, что он имел возможности для популяризации славянофильской идеологии в русском обществе и его вклад в развитие русско-южнославянских связей был весомым.

К открытому обсуждению греко-болгарского церковного вопроса Попов обратился в 1866 г., когда борьба в Болгарии вновь обострилась и имелись уже многие отклики в печати. Сотрудничая в газете «Московские ведомости» и воскресном приложении «Современная летопись», где издателем и редактором был М. Н. Катков, Попов в течение двух лет вёл отдел «Славянская хроника». Здесь он опубликовал статьи по проблеме греко-болгарского церковного противостояния – «Распря между болгарами и греками» и «Болгарский вопрос»⁹.

Какими источниками пользовался автор статей? Обычно Попов приводил факты и свидетельства, цитируя газеты, издаваемые как болгарами, так и греками, сравнивал суждения европейских и русских публицистов, намекал на устные рассказы болгар, видимо, тех, кто жил в России.

Причина обращения к проблеме называлась Поповым чётко: «... с некоторого времени в чувствах болгар к русским произошла перемена, в болгарях возбуждено сомнение в нашем доброжелательстве к ним, надежды, которые они с давних пор возлагали на нас, начали падать»¹⁰. По мнению автора, на такую перемену в убеждениях болгар повлияла не только Крымская война (он её называет Восточной), но и то, что русские «не дали себе труда ознакомиться вполне с собственными желаниями болгар... знаем о них только от их противников, преимущественно греков». Это был упрёк к профессиональному российскому сообществу.

Действительно, в России, кроме работ Ю. Венелина, не было ничего по истории болгар. Попов же напоминал читателям, что болгары прежде имели патриархат в Тырнове, упразднённый турками после завоеваний на Балканах, т. е. можно бы заключить, что болгары, как и сербы, имеют основания для восстановления собственной патриархии. Но ко времени написания статьи «на попытку болгар образовать свою народную церковь большинство русских смотрит как на незаконное нарушение канонических прав вселенского престола». Однако, по словам Попова, болгары и «не ищут восстановления тырновского патриархата, продолжают признавать своё единство с греческой церковью». Что же хотят сами болгары? Только иметь болгарских архиереев и ввести во всех школах болгарский язык вместо греческого. Но Россия им в этом мало помогала. Попов напоминал, что «болгары издавна несли на себе тягость двойного гнета: турецкого и греческого. Если первое мешало материальному благосостоянию, то второе препятствовало их умственному и нравственному развитию как особого от греков народа».

⁹ См.: Современная летопись. 1866. № 28; Московские ведомости. 1866. 7 июня, 14 июня. См.: *Sovremennaya letopis'*. 1866. № 28; *Moskovskie vedomosti*. 1866. 7 iyunya, 14 iyunya.

¹⁰ *Попов Н. А.* Болгарский вопрос // *Московские ведомости*. 1866. 7 июня.
Popov N.A. Bolgarskii vopros // *Moskovskie vedomosti*. 1866. 7 iyunya.

Попов приводил конкретные примеры притеснений со стороны греческих архиереев, что способствовало, по его мнению, усилению католической пропаганды и возникновению униатской церкви. Он отреферировал многочисленные газетные публикации и заключил, что «греческое духовенство константинопольской патриархии, греческие патриоты, греческое общество вовсе не относятся так беспристрастно к церковному болгарскому вопросу, как думают их защитники у нас». По его словам, «церковная распря между болгарами и греками есть только один из видов той вековой борьбы, которую ведут панэллинисты против возрождения славян на Балканском полуострове». К сожалению, писал он, болгарским депутатам пришлось призвать в судьи турецкое правительство и просить султана принять участие в церковных делах. «Болгары потеряли веру в обещание греков и ищут поддержки в собственных силах». Как должны отнестись к этому русские? «Наши давние стремления снять восточное иго с турецких славян сами собой должны привести нас и к сочувствию желанием болгар приобрести церковную независимость». Попов уверен, что Россия должна помочь болгарам в освобождении, ибо, по его словам, «...достоинство политики измеряется силой ее национального характера, а на Балканском полуострове национальными интересами для нас могут быть только интересы славянские».

Итак, греко-болгарский конфликт осознавался Поповым как национально-политический, а не только церковный. Собственно говоря, такая позиция была характерна для печати, редактируемой М. Н. Катковым. Но, в отличие от других авторов «Московских ведомостей», такое понимание сути конфликта сохранилось у Попова и позже. Недаром в 1876 г., накануне Русско-турецкой войны и начала освободительного движения на Балканах, Славянский комитет принял решение издать сборник «Родное племя» в пользу пострадавших от войны и турецкого насилия жителей Болгарии, Боснии, Герцеговины и Старой Сербии. Попов предложил для сборника статью под названием «Болгарский церковный вопрос в 1866 году», объединив в ней прежде опубликованные работы и не внося в них изменений.

Статьи 1866 г. имели публицистический характер, были связаны с конкретной политической обстановкой, возможно, и позиция автора находилась в зависимости от мнения редактора. В работах на эту же тему, написанных позднее, заметны другие особенности.

В 1870-е гг. Попов выступал в печати уже не как частное лицо, он отражал мнение Славянского благотворительного комитета, который со дня основания внимательно следил за событиями в Болгарии. Так, в статье, опубликованной в научном журнале, распространяемом в гимназиях и высших учебных заведениях, он объяснял причины, заставившие комитет думать о положении православных именно в Болгарии, о разладе между Константинопольским патриархом и болгарами. Он повторил известную фразу Н. Герова, что «... болгары – главное по многочисленности славянское племя на юге, сильнее всех чувствовали двойное иноплеменное иго:

турок как иноверцев и иноязычных, и фанариотов – единоверных, но враждебных по своим историческим преданиям и характеру»¹¹.

Большая статья под названием «Религиозная и национальная благотворительность на Востоке и среди южных славян» писалась в самый разгар греко-болгарской распри, но все же не она была в центре внимания автора. Его интересовала деятельность католических и протестантских обществ, которые, оказывая значительную помощь в деле народного образования на Балканах, представляли угрозу российскому влиянию среди южных славян. Решение проблемы Попов связывал с деятельностью славянских комитетов. Именно светские общественные организации, а не церковные должны открывать школы на Балканах, а средства, по его мнению, можно найти у купечества, предпринимателей и других жертвователей. В письме к М. Ф. Раевскому, представителю комитета за границей, Попов прямо писал, что задача комитета – «учреждение в Константинополе центрального училища для болгар... о чем уже подана просьба нашему послу при Порте Игнатьеву с целью не принимать более болгар для воспитания в России, ибо отсюда ни один не возвращается домой»¹².

Комитет тщательно собирал материалы о положении в Болгарии, о настроениях болгар, вел с ними переписку, посылал своих людей для выяснения ситуации на месте. Сам Попов в мае 1869 г. отправился в командировку на Балканы. Пробыв месяц в Одессе, он познакомился с проблемой в беседах с болгарами Тошковым, Тошковичем, Рашеевым, Палазузовым. Об этом вспоминал А. А. Кочубинский, у которого Попов и гостил в то время¹³. Затем он отправился в Константинополь, где общался и с греками, пытаясь понять их взгляды на греко-болгарский церковный вопрос.

Вернувшись, он написал публицистический очерк «Письмо из Константинополя», опубликованный позднее, в сборнике «Родное племя»¹⁴. В нём даны живые этнопсихологические характеристики населения столицы Османской империи. Так, автор объяснял, чем константинопольские греки

¹¹ Попов Н. А. Религиозная и национальная благотворительность на Востоке и среди славян // ЖМНП. 1871. № 6. С. 237.

Popov N.A. Religioznaya i natsional'naya blagotvoritel'nost' na Vostoke i sredi slavyan // ZhMNP. 1871. № 6. S. 237.

¹² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 373.

Zarubezhnye slavyane i Rossiya. Dokumenty arkhiva M.F. Raevskogo. 40–80 gody XIX veka. M., 1975. S. 373.

¹³ Кочубинский А. А. Из моих воспоминаний. На память о Ниле Александровиче Попове // Новороссийский телеграф. 1892. 3 января.

Kochubinskii A.A. Iz moikh vospominanii. Na pamyat' o Nile Aleksandrovice Popove // Novorossiiskii telegraf. 1892. 3 yanvarya.

¹⁴ Попов Н. А. Письмо из Константинополя // Родное племя: Сборник в пользу славян Балканского полуострова, пострадавших от войны и турецкого насилия. М., 1877. С. 132–144. Цитаты приведены из этого издания.

Popov N.A. Pis'mo iz Konstantinopolya // Rodnoe plemya: Sbornik v pol'zu slavyan Balkanskogo poluostrova, postradavshikh ot voyny i turetskogo nasiliya. M., 1877. S. 132–144. Tsitaty privedeny iz etogo izdaniya.

(он их называл византийцами) отличаются от эллинов. «Византицы лукавее эллинов, весьма мало образованы и не любят заниматься своей прежней историей... Политические понятия их самые устарелые и ничем не искоренимые». Эллины, по словам историка, «готовы ограничиться освобождением и присоединением к Греции областей, населённых чистыми греками», и понимают, что «южные славяне – их естественные союзники в общем деле освобождения и вместе с тем имеют неотъемлемое право на самоуправление и отдельное существование».

Что касается положения в Константинопольском патриархате, то Попов отмечал его малые размеры: «... патриарх довольствуется доходами с греков и босняков». Более того, автор статьи сетовал, что «через посредство патриархата византийцы господствуют над остальными христианами Европейской Турции... они только собирают доходы с остальных христиан и нисколько не заботятся об их участи. Этим унижается достоинство православной церкви».

Болгар, размышляющих о церковном вопросе, Попов в Константинополе, видимо, не встретил. Так, из-за почтовых недоразумений он не застал в Константинополе болгарского поэта, публициста и общественного деятеля Петко Рачева Славейкова. Однако он передал профессору журналы и газеты¹⁵, в их числе — «Гайду», «Македонию», «Болгарию», «Царьградский вестник». Эти издания имели разную политическую направленность, и на их основе можно было увидеть многие суждения по церковному вопросу.

Он писал, что главных деятелей надо искать за границей. Молодые болгары и болгарки учатся в Москве, Киеве, Одессе, Вене, Париже, Берлине. Важнейшая заграничная колония находилась в Бухаресте, Браилове и других румынских городах. Попов выяснил, что «более пользы болгарскому делу приносили благотворительные дружины», которые поддерживали народные школы и библиотеки. Они имели связь с родиной. Ратуя за образование болгарской молодёжи, чему, по мнению Попова, мешали турецкие власти, греческие иерархи и отсутствие болгарских представителей в правительстве, он объяснял русскому читателю, что «болгарский народ ясно сознаёт, что ему нужно объединение под какой бы то ни было формой, и вот почему он с такой настойчивостью добивается для себя народной церковной иерархии». Иными словами, в 1870 г. профессор Попов не видел скорой возможности политического освобождения болгарских земель и потому считал своевременным возрождение церковной автономии. Статья была проникнута верой, что болгар не остановят никакие козни греков, «никакие ложные советы со стороны некоторых заблуждающихся соотечественников наших, почему-то отдающих судьбы православия на Востоке исключительно в руки византийских фанариотов».

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 239. П. 18. № 28. Письмо Славейкова к Попову от 12 июля 1870 г. опубликовано Л. Минковой. См.: Bulgarian Historical Review (BHR). 1978. № 1. С. 93.

NIOR RGB. F. 239. P. 18. № 28. Pis'mo Slaveikova k Popovu ot 12 iyulya 1870 g. opublikovano L. Minkovoi. Sm.: Bulgarian Historical Review (BHR). 1978. № 1. S. 93.

Вскоре усилия болгар по возрождению самостоятельной Церкви реализовались, но патриарх в Константинополе отказался признать независимость болгарской Церкви и объявил болгар схизматиками. Реакция русской печати на эти события была однозначна: решения собора не признавались основательными. Лишь Т. И. Филиппов в 1870 г. поместил в «Русском вестнике» статью, в которой заявил о недостаточности согласия мирской власти, необходимости соглашения с Константинопольским патриархом и целесообразности общецерковного собора. Ему отвечал М. Дринов, выпускник Московского университета, уважаемый Поповым учёный, его корреспондент и единомышленник по многим вопросам: «Дело болгарской церкви есть дело болгарской народности»¹⁶. Сам Попов писал в Болгарию Т. Стоянову-Бурмову 19 ноября 1872 г.: «Отлучение болгар произвело здесь сильное впечатление, которое растёт с каждым днём и вызывает журнальное и газетное обсуждение его. Все церковные журналы стоят за болгар; громадное большинство светских также за них, и только один Третий Филиппов в газетке “Гражданин” громит болгар и называет их мятежниками. В общественном мнении возникает раздражение против греков. Константинопольские корреспонденции “Московских ведомостей” читаются нарасхват»¹⁷.

В 1872 г. Попов опубликовал в «Православном обозрении» три небольшие заметки¹⁸. Они насыщены фактами и именами. К этому времени автор, как секретарь комитета, имел постоянных корреспондентов в самой Болгарии, а не довольствовался материалами зарубежных газет. В командировке в Константинополе он познакомился с новыми информаторами. В личном фонде Попова в НИОР РГБ хранятся письма более 20 болгарских корреспондентов. Среди людей, сообщавших ему сведения о церковной борьбе, были врач при русском посольстве в Константинополе Васил Костов Каракановский (1840–1905), деятель болгарского просвещения Петр Мусевич-Бориков (1838–1914), болгарский государственный деятель, публицист и богатый предприниматель Тодор Стоянов-Бурмов (1834–1906) и даже сам Болгарский экзарх Анфим. Переписка Попова с ними частично опубликована, оригиналы находятся в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия в Софии и в Российской государственной библиотеке в Москве.

Судя по письмам, Попов постоянно запрашивал новую информацию, просил присылать книги, журналы, подшивки газет. Так, Каракановский в письме от 25 января 1871 г. обстоятельно сообщал о приезде бол-

¹⁶ Дринов М. Болгары и Константинопольская патриархия // Беседа. 1871. Кн. 4.

Drinov M. Bolgary i Konstantinopol'skaya patriarkhiya // Beseda. 1871. Kn. 4.

¹⁷ Минкова Л. Переписка с Нилом Александровичем Поповым // Bulgarian Historical Review (BHR). 1979. № 3. С. 90.

Minkova L. Perepiska s Nilom Aleksandrovichem Popovym // Bulgarian Historical Review (BHR). 1979. № 3. S. 90.

¹⁸ Попов Н. А. По поводу восстановления Болгарского экзархата // Православное обозрение. 1872. № 4. С. 651–656; № 9. С. 449–452; № 12. С. 759–765.

Popov N.A. Po povodu vosstanovleniya Bolgarskogo ekzarkhata // Pravoslavnoe obozrenie. 1872. № 4. S. 651–656; № 9. S. 449–452; № 12. S. 759–765.

гарских представителей в Константинополь для утверждения церковного устава и избрания экзарха¹⁹. В письме к Т. Стоянову-Бурмову, бывшему с 1867 г. переводчиком в русском посольстве, а позднее автором известной книги «Болгаро-греческая церковная распря» (1902), Попов спрашивал: «В каком положении находится ваш церковный вопрос? Что нового в греко-болгарской литературе?»²⁰ Он просил прислать 10 экземпляров болгарского научно-популярного журнала «Читалище» и высылал за них деньги, видимо, через русского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева. О попытках экзарха Анфима войти в переговоры с Константинопольским патриархом писал Стоянов-Бурмов весной 1872 г., т. е. до объявления болгарской церкви схизматической. Но эти попытки не увенчались успехом: патриарх отказался принять экзарха и издал против него «окружное письмо, которое раздражило даже самых умеренных болгар»²¹.

О трудной борьбе болгар за духовную независимость писал Попову из Константинополя и бухгалтер Болгарского благотворительного братства «Просвещение» Петр Мусевич-Бориков. Он бывал в России и собирал средства для братства. Прочитую письмо от 18 ноября 1874 г., написанное по-русски, но с ошибками. «Мы верим, что вы интересуетесь знать ход наших народных дел на Юге, потому и осмеливаемся написать вкратце нынешнее наше положение, начиная с Ексархии: ексарх наш не имеет никакого значения перед Порте. Очень часто наша Ексархия домогалась защитить кого-нибудь обесправданного перед законом по церковным делам. Но нынешний садразам Хюсеин Авни-паша (Великий визирь и министр обороны, один из организаторов подавления Апрельского восстания в апреле 1876 г. – *И. В.*) отстраняет эти домогания». Далее в тексте подробно сообщается о Рафаиле (дьякон Рафаил Добрев), руководителе болгарских униатов, и его деятельности в Кукуше. Отмечал автор письма и вмешательство Константинополя: «Турецкое правительство ужасно боится объединения болгар, для этого и старается всяким образом улеснить в пропанде как греческое духовенство, так и протестанских и католических миссионеров... Когда приходит дело, чтобы болгары сделались униатами или греками, тогда свобода совести позволена, а наоборот нельзя»²².

В свою очередь, Попов писал болгарам об освещении в русской печати церковной борьбы. В письме Бурмову от 6 декабря 1872 г. он сообщал: «Посылаю вам по почте через Дипломатическую Одесскую канцелярию пакет с разными брошюрами экстраординарного профессора истории церкви в Московском университете, священника Иванцова-Платонова. Тут вы найдете различные речи его, вступительные лекции из университетско-

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 239. П. 10. № 15.

NIOR RGB. F. 239. P. 10. D. 15.

²⁰ Минкова Л. Переписка болгар... // ВНР. 1979. № 3. С. 87.

Minkova L. Perepiska bolgar.... // ВНР. 1979. № 3. С. 87.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 239. П. 19. № 23.

NIOR RGB. F. 239. P. 19. № 23.

²² Там же. П. 14. № 22.

Ibid. P. 14. № 22.

го курса и 10 экземпляров брошюры “Ещё о болгарском вопросе”. Брошюра эта была напечатана в последней книжке “Православного обозрения”. В ней, между прочим, высказывается мысль о необходимости создать собор в Киеве из представителей православных церквей: русской, сербской, румынской, черногорской, сербско-австрийской и румыно-австрийской с двойной целью: разрешение вопроса, как держаться ввиду распри между греками и болгарами и ввиду Константинопольского собора, а также с целью попытаться примирить греков с болгарами. Раздайте эту брошюру в экзархате и в редакции болгарских газет»²³. В январе 1873 г. Попов писал из Москвы: «Об ответе нашего синода по болгаро-греческому спору слышно следующее: сообщения патриарха и экзарха прочитаны в собрании синода и положены ad acta, т. е., вероятно, на них посмотрели как на не имеющие общецерковного значения, а только местное, не требующее официального вмешательства»²⁴. Для русских идеологов такое решение было бы позитивным. Но Попов добавлял: «... за верность этого слуха я не ручаюсь». Святейший Синод посчитал требования болгар законными, отказались принимать решения собора и другие православные Церкви²⁵.

Полученную из Болгарии информацию Попов регулярно докладывал на заседании Славянского комитета. Так, в протоколе заседания 26 августа 1872 г. записано, что Попов представил фотографическую карточку болгарского экзарха Анфима и доложил о нём биографические сведения, пообещав их опубликовать²⁶. Вскоре появилась его статья «Биографические сведения об экзархе болгарском Анфиме I»²⁷.

Именно этот сюжет протокола был использован в опубликованном вскоре подложном документе «Les responsabilites», изготовленном в Турции. Фальсификаторы расширили краткое сообщение протокола, прибавив, по сведениям С. А. Никитина, что «портрет прислан с благословения экзарха, что единодушно решено издать портрет и распространять среди друзей “святого болгарского дела”, что он будет распространен среди известных людей de la Slavie»²⁸. Заканчивался подложный документ так: «... решено послать экзарху при посредстве императорского посольства в Кон-

²³ Минкова Л. Переписка болгар... // ВНР. 1979. № 3. С. 91.

Minkova L. Perepiska bolgar... // ВНР. 1979. № 3. S. 91.

²⁴ Там же. С. 92.

Ibid. S. 92.

²⁵ Скурат К. Е. История поместных православных церквей. М., 1994. Т. 1. С. 263–264. В этом учебном пособии для студентов духовных учебных заведений К. Е. Скурат активно цитирует письма болгар к Попову.

Skurat K. E. Istorija pomestnykh pravoslavnykh tserkvei. M., 1994.

²⁶ Московские ведомости. 1872. № 244.

Moskovskie vedomosti. 1872. № 244.

²⁷ Попов Н. А. Биографические сведения об экзархе болгарском Анфиме I // ПО. 1872. № 9. С. 449–452.

Popov N. A. Biograficheskie svedeniya ob ekzarkhe bolgarskom Anfime I // ПО. 1872. № 9. S. 449–452.

²⁸ Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960. С. 139.

Nikitin S. A. Slavyanskije komitety v Rossii v 1858–1876 gg. M., 1960. S. 139.

стантинополе благодарственное письмо с уверениями в братских чувствах русского народа к турецким славянам и особенно болгарам, которые держат высоко и твёрдо знамя славян против фанариотов». Авторы фальшивки стремились представить МСБК в глазах европейского общественного мнения как некую тайную организацию панславистов. Как видим, сюжет о портрете экзарха приобрёл важное значение в контексте выяснения роли комитета в вопросе греко-болгарской борьбы.

Действительно, к печатному слову комитета в Константинополе относились внимательно, пытаясь прочитать нечто между строк и, по возможности, исказить смысл сказанного. Уже упомянутый Т. Стоянов-Бурмов, будучи корреспондентом «Московских ведомостей», писал: «... газета “Phare du Bospor” перепечатала речь, сказанную в заседании Славянского благотворительного комитета в Москве 11 мая сего года секретарем оного Н. А. Поповым, не только позволила себе перефразировать подлинник сообразно своей цели, но и приписала автору речи слова, которых он не говорил»²⁹. На это в письме к Т. Стоянову-Бурмову от 19 декабря 1872 г. Н. А. Попов отвечал: «Что же касается журнальных статей о болгарском вопросе, то искажение их греками и озлобление против них не может принудить русских писателей к молчанию»³⁰.

Возможно, эти факты объясняют осторожную позицию Попова в освещении болгарского церковного вопроса. Он владел обширным фактическим материалом, имел возможности публиковаться, но не написал аналитическую работу ни в 1872 г., ни позднее. Вышеупомянутые заметки в «Православном обозрении» имели описательный характер.

На такую позицию Попова могло повлиять и мнение сербского митрополита Михаила, члена Славянского комитета. Владыка в своих обширных письмах на имя Попова часто высказывал беспокойство в связи с действиями болгар. 8 апреля 1872 г. он писал: «Болгарская патриархия все более запутывает свое дело. Турки тоже дурачатся, и одни, и другие винят вас, а слушаются англичан и немцев»³¹. Митрополит высказывал некоторое недоверие болгарам из-за спорных территорий в Старой Сербии, предвидя сербско-болгарский конфликт: «Болгары, боясь турок, кричат на нас и проклинают того, кто назовется сербом в Старой Сербии». Вскоре тревога митрополита усилилась, и в марте 1874 г. он писал: «Болгарское дело нас очень беспокоит, когда принимает такое направление, опасное для православия»³².

Осторожная позиция Московского славянского комитета по вопросу греко-болгарской борьбы была замечена и явно не одобрена К. Н. Леонтьевым. Вернувшись весной 1874 г. с Балкан в Москву, Леонтьев привёз руко-

²⁹ Московские ведомости. 1872. № 308.

Moskovskie vedomosti. 1872. № 308.

³⁰ Минкова Л. Переписка болгар.... // ВНР. 1979. № 3. С. 92.

Minkova L. Perepiska bolgar.... // ВНР. 1979. № 3. С. 92.

³¹ НИОР РГБ. Ф. 239. П. 13. Д. 46. Л. 14.

NIOR RGB. F. 239. P. 13. D. 46. L. 14.

³² Там же. Л. 31 об.

Ibid. L. 31 ob.

пись своей книги «Византизм и славянство». Он предложил её для публикации некоторым редакторам, в том числе и И. С. Аксакову как председателю Славянского комитета и лидеру славянофилов. «Посмотрим, что скажет Аксаков, этот “поп-стрелец”, по прозвищу Герцена», – записал Леонтьев в автобиографических заметках, составленных, видимо, в Оптинской пустыни летом 1875 г.³³

Аксаков взялся читать рукопись с большим желанием, с книгой познакомился и Попов. По истечении какого-то срока, скорее всего в октябре 1874 г., Леонтьева пригласили на вечер к Аксакову, где среди прочих гостей был и Попов. На вечере произошло обсуждение книги, и Аксаков в довольно мягкой форме отказался опубликовать её. Это обстоятельство крайне огорчило Леонтьева, и он в автобиографических заметках яростно обрушился с критикой на Аксакова и его гостей. Самая нелюбимая характеристика дана Попову: «... жирный расхлебня, учёный и ограниченный мужлан». Видимо, Леонтьев считал Попова главным виновником своих неудач. В литературе не раз отмечалось, что в «мировоззрении Леонтьева есть черты скептицизма и даже цинизма, которые резко отталкивали от него»³⁴.

Для нас важно не психологическое состояние Леонтьева и его отражение в мемуарах, а отношение Попова к взглядам автора на греко-болгарский конфликт. Леонтьев писал: «... вторая часть моей книги чисто практическая, она написана против болгар, которые и нравственно, и канонически не правы» и отвечал на вопросы Аксакова: «... многие у нас воображают себе болгар какими-то жертвами и только. Людьми невинными, патриархальными; но надо видеть самому вблизи этих болгарских вождей-буржуа... Какое-то противное соединение Собакевича с Гамбеттой»³⁵. Аксаков, прочитав рукопись, заявил, что в ней «славянство есть, и оно очень сильно, славизма нет»³⁶. Взгляды К. Леонтьева совсем не совпадали с той идеологией, которую пропагандировали Аксаков и Попов в Славянском благотворительном комитете.

Интерпретация Поповым греко-болгарской церковной борьбы по сути была религиозно-национальной, нацеленной на реального противника (греческое духовенство). Возможно, он не хотел знать более положительной трактовки греческого духовенства, как у Леонтьева, писавшего в защиту Константинопольского патриарха. Леонтьев был убеждён, что «истинно национальная политика должна и за пределами своего государства поддерживать не голое, так сказать, племя, а те духовные начала, которые свя-

³³ Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 442.

Leont'ev K.N. Moya literaturnaya sud'ba // Literaturnoe nasledstvo. M., 1935. T. 22–24. S. 442.

³⁴ Зеньковский В. В. Русские мыслители в Европе. М., 1997. С. 76.

Zen'kovskii V.V. Russkie mysliteli v Evrope. M., 1997. S. 76.

³⁵ Леонтьев К. Н. Указ. соч. С. 444.

Leont'ev K.N. Op. cit. S. 444.

³⁶ Там же. С. 445.

Ibid. S. 445.

заны с историей племени, с его силой и славой. Политика православного духа должна быть предпочтительна политике славянской плоти»³⁷. А профессор Московского университета Попов пытался выделить именно *национальное* начало в политике государства и общества. В ситуации кризиса национальной идентичности он активно включился в серьезную интеллектуальную работу по осмыслению русским обществом национальных интересов. Идея славянского единства (языкового, литературного), но не общегосударственного (панславистического) представлялась ему в 1860–70-е гг. не мифическим фантомом. Позднее, причём не без влияний происходивших в Болгарии событий, он стал в ней сомневаться. Научные исследования историка сосредоточились на русской истории и работе в архивных учреждениях. Вопрос о схизме его более не интересовал. Каноническое общение Константинопольского патриархата и Болгарской православной церкви возобновилось много позднее, в 1945 г., но не без российского, вернее советского, фактора.

Список литературы:

1. *Венедиктов В. Ю.* Католический прозелитизм на территориях Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века (на примере греко-болгарских церковных противоречий) // Published on Studia Humanitatis (<http://st-hum.ru>) 2013. № 2.
2. *Воробьёва И. Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов: Научная и педагогическая деятельность. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999.
3. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители в Европе. М.: Республика, 1997.
4. *Косик В. И., Кремнев Г. Б.* Греко-болгарский вопрос // *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство. М., 1996.
5. *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005.
6. *Майорова О.* Греко-болгарская церковная распря в русском националистическом дискурсе конца XIX века // *Пермяковский сборник*. М.: Новое издательство, 2010. Вып. 7. Ч. 2.
7. *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1960.
8. *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М.: Наука, 1970.
9. *Скурат К. Е.* История поместных православных церквей. М. Русские огни, 1994. Т. 1.

³⁷ *Зеньковский В. В.* Указ. соч. С. 79.
Zen'kovskii V.V. Op. cit. S. 79.

THE GREEK-BULGARIAN CHURCH STRUGGLE IN THE WORKS OF HISTORICAL-SLAVICIST N. A. POPOV

I. G. Vorob'eva

The Tver' State University, the Dept of General History

In this article the views of the professor of Moscow University Nil Alexandrovich Popov (1833–1891) upon the problem of the Greek-Bulgarian relations are presented.

N.A. Popov was a specialist in Slav history, the author of many works about the history of Southern and Western Slavs in Modern Time. From 1867 till 1978 he was a secretary of the Slav Philanthropy Committee in Moscow – public organization, oriented on the rendering of the financial help to the Slav young people for getting the education, in Russia including.

So far as N.A. Popov was acquainted with many figures of Slav world he got contemporary information upon the questions of national and liberate processes on Balkan peninsula and published it.

He wrote articles for scientific and political editions, read lectures for students, wrote letters to public and state men, expressing concrete pragmatic opinions upon the problems of the forming of national identity, including the Bulgarian one. They become the subject of analysis in our article.

The Slavophil activity of N.A. Popov was perceived by his contemporaries as positive. He considered the Greek-Bulgarian church question as national and political. When Bulgarians were called the schismatics by the Constantinople patriarch in 1872, he explained that the creation of Exarchate was the necessary condition of the Bulgarian national Renaissance. Distinguishing the *national* base in policy of state and society, N.A. Popov, being the Russian historian, intensively worked in the intellectual activities, concerning the comprehending of the national interests by Russians. He did not think about them without Slavs.

Keywords: *Greek-Bulgarian church struggle, N.A. Popov, Slavophilism, Slav Philanthropy Committee in Moscow, national identity.*

Об авторе:

ВОРОБЬЁВА Ирина Геннадиевна – Тверской государственный университет, кафедра всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор, (170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: dubrovnik@mail.ru

About the authors:

VOROB'YVA Irina Gennadievna – Doctor of Historical Sciences, Professor, the Tver State University, the Dept of General History, (170100, Tver, Trekhsvyatsky Str., 16/31), e-mail: dubrovnik@mail.ru

References

Venediktov V.Yu. Katolicheskii prozelitizm na territoriyakh Konstantinopol'skogo Patriarkhata vo vtoroi polovine XIX veka (na primere greko-bolgarskikh tserkovnykh protivorechii) // Published on Studia Humanitatis (<http://st-hum.ru>) 2013. № 2. (In Russ.).

Vorob'eva I.G. Professor-slavist Nil Aleksandrovich Popov: Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost'. Tver': Tver. gos. un-t, 1999. (In Russ.).

Zen'kovskii V.V. Russkie mysliteli v Evrope. M.: Respublica, 1997. (In Russ.).

Kosik V.I., Kremnev G.B. Greko-bolgarskii vopros // Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i slavyanstvo. M., 1996. S. 793–794. (In Russ.).

Lapteva L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke. M.: Indrik, 2005. (In Russ.).

Maiorova O. Greko-bolgarskaya tserkovnaya rasprya v russkoi natsionalisticheskom diskurse kontsa XIX veka // Permyakovskii sbornik. M.: Novoe izdatel'stvo, 2010. Vyp. 7. Ch. 2. S/ 458 – 466. (In Russ.).

Nikitin S.A. Slavyanskije komitety v Rossii v 1858–1876 gg. M.: Izd-vo MGU, 1960. (In Russ.).

Nikitin S.A. Ocherki po istorii yuzhnykh slavyan i russko-balkanskih svyazei v 50–70-e gody XIX v. M.: Nauka, 1970. (In Russ.).

Skurat K.E. Istoriya pomestnykh pravoslavnykh tserkvei. M., Russkie ogni, 1994. T. 1. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.12.2013.